

от общей их численности 6,3 млн. человек. Крупные группы татар расселяются в соседних с республикой регионах Среднего Поволжья и Приуралья, в Средней Азии и Азербайджане, на Украине. В своей автономии, по данным 1979 г., они составляли несколько менее половины общей численности населения — 47,6%.

Татары исповедуют ислам суннитского толка. Это наиболее вестернизированные и русифицированные советские мусульмане, отмечает автор (с. 277). В XIX и в начале XX в., практически до конца 1920-х годов, им принадлежала ведущая роль в национальном и политическом пробуждении мусульманских наций России, считает М. Броксап. Особое значение для этих процессов имело возникшее в Татарии во второй половине XIX в. джададистское движение, начатое как религиозная реформа, целью которой было включение ислама в современное общество с отказом от крайностей консервативного традиционализма. Ислам был сохранен как основа татарского общества при его быстром экономическом, политическом и культурном развитии конца прошлого века.

В первые годы Советской власти одной из форм национального татарского движения стал «мусульманский национальный коммунизм», наиболее видным, известным и последовательным представителем которого был Султан Галиев, репрессированный уже в начале 1920-х годов. Его идея создания тюрко-мусульманского государства — Республики Туран «от Казани до Памира» (с. 281) была формой выражения панисламизма и пантюркизма, сохранивших до настоящего времени свою политическую актуальность при отказе от наиболее одиозных элементов исламского радикализма и фундаментализма.

Современное национальное татарское движение, разумеется, не замкнуто исключительно «мусульманскими» рамками. Напротив, им была выражена активная поддержка всем национальным движениям в Советском Союзе.

В раздел по нерусским народам России вошли также очерки по бурятам (К. Хамфри, Отделение социальной антропологии, Кембриджский ун-т) и якутам (П. Витебски, Ин-т полярных исследований, Кембриджский ун-т). Особый раздел составили два очерка по диаспорам: крымским татарам (Э. Лазерини, Отделение истории, ун-т Нового Орлеана) и евреям (Й. Горлизки, Колледж св. Антония, Оксфорд).

Заканчивая краткий обзор, хотелось бы особо отметить обращенность обеих книг к западному читателю, по всей вероятности, достаточно широкой аудитории, для которой еще совсем недавно все «советское» привычно отождествлялось с русским. Теперь это единообразие внезапно сменилось экзотичной мозаикой народов и культур.

Обе публикации, как тяготеющая к острой публицистичности с ее резкими и подчас жесткими оценками книга В. Свободы и Б. Нахайло, так и более «академичный» систематический том под редакцией Г. Смита, основаны почти исключительно на материалах не только доступных, но и достаточно хорошо известных широком читательским кругам в нашей стране, не говоря уже о специалистах, занимающихся проблемами национальных отношений. Тем не менее работы представляются далеко не безынтересными и для этих специалистов, отражая процессы научного осмысления зарубежными коллегами острых и противоречивых процессов в нашей стране.

© 1992 г., ЭО, № 5

О НЕИЗДАННОЙ КНИГЕ

Н. Н. Садо м с к а я. Галисийцы. Историко-этнографический очерк. М.: Наука. 1973 (верстка)

Об этой книге следовало сказать сразу же, как только стремительное изменение политической ситуации в нашей стране сделало возможным упоминание о ней в печати. Но противная здравому смыслу расправа с ней, совершенная без малого два десятилетия назад, с неизбежностью предопределила, среди прочих своих скверных последствий, постепенное снижение изначальной актуальности работы. И, может быть, те, кто мог бы сейчас напомнить о книге Н. Н. Садовой, откладывают это ради чего-то более злободневного и животрепещущего...

Все знают, какой оказывалась в «застойные» времена судьба делавшихся на отечественных студиях художественных кинолент, если они сами или их создатели чем-то не устраивали кого-либо из власть имущих: уже готовые работы, со вложенными в них трудом, талантом, поисками и открытиями, наконец, затраченными временем и средствами — отправлялись «на полку», не получая доступа к зрителям и выпадая из общего художественного процесса. Практически то же самое произошло с монографией, о которой идет речь. Н. Н. Садовая и ее муж, принимавшие участие

в диссидентском движении и отказавшись, когда времена ужесточились, пойти на попятный, были вытолкнуты властями из страны, и по тогдашним нормам этого оказалось достаточно, чтобы еще до их отъезда «закрыть» прошедшую все стадии подготовки и уже набранную в типографии ее книгу. Набор рассыпали, и лишь в архиве Института этнографии, где работала Садомская, сохранился один экземпляр так называемой «верстки».

То, что «убийство» книги есть преступление перед ее автором, никому, я полагаю, доказывать не нужно. Зато, по-видимому, в каждом случае требуется доказать, что налицо также преступление перед читателем. А если речь идет о научном исследовании, как здесь, — то и перед наукой. Однако сложность и, если угодно, деликатность ситуации состоит в том, что, говоря о написанной, но не изданной книге, мы вынуждены прибегнуть к своего рода «двойному счету» и попытаться понять, с одной стороны, что означал бы ее выход в то время, когда она должна была увидеть свет, и, с другой стороны, что можно сказать о ней с позиций сегодняшнего дня.

В названии работы, по сути дела, уже заложены ее характер и содержание. Изучение и описание происхождения и всех сторон традиционной жизни какого-либо «народа-этноса», причем, как правило, не доминирующего в данном государстве, а из числа так называемых «национальных меньшинств», издавна определилось как одно из признанных направлений в деятельности исследователей Института этнографии в целом и Сектора народов Зарубежной Европы, возглавлявшегося в то время С. А. Токаревым, — в частности. Достаточно вспомнить, что двумя годами раньше намеченного для издания монографии о галисийцах срока в том же секторе вышла книга Н. А. Красновской «Фриулы (историко-этнографические очерки)», а двумя годами позже — книга Н. Н. Грацианской об этнографических группах населения Моравии.

На одной из первых страниц своего труда Н. Н. Садомская так обозначила стоящую перед ней задачу: «Проследить, в какой степени отдельные элементы традиционной народной культуры отделяют или сближают их с другими народами Пиренейского полуострова, проследить также за тем, как формировалась этническая общность, которую эта культура выражает» (с. 7). О путях решения этой задачи достаточно ясно, на мой взгляд, говорит простой перечень основных глав, составляющих работу:

«Споры и мнения» (о сущности галисийской общности — А. К.); «Галисийцы в испанской науке»; «Судьба народа»; «Местные традиции в хозяйстве»; «Своеобразие народного уклада жизни»; «От рождения до смерти».

Наиболее общим выводом из тех, что были сделаны автором по результатам исследования, мне представляется следующий: «Этническое своеобразие галисийцев складывается не столько из исключительности и неповторимости отдельных элементов народной культуры, сколько из исключительности сочетания этих элементов» (с. 180).

По-видимому, не будет ошибкой констатировать, что основные теоретические и методические установки автора полностью соответствовали нормам, принятым в то время в нашей науке. Но вот сфера приложения исследовательских усилий в данном случае была весьма специфической — равно как и роль самого исследователя. Ведь, опять же в соответствии со сложившейся к тому времени традицией регионального разграничения сфер деятельности ученых, И. Н. Садомская являлась основным специалистом по этнографии Испании, причем не только в Институте, но едва ли не во всей нашей стране. Ответственность такого рода «монополизма» очевидна, она требовала немалых усилий, чтобы оставаться на высоте во всех случаях, когда приходилось «представлять» «подведомственную», страну или народ — будь то в докладных записках, идущих «наверх», во всевозможных справках и консультациях, наконец, в следовавших один за другим коллективных трудах на самые разные темы. Трудоемкость работ последней категории общеизвестна, и даже покойный С. А. Токарев, подлинный энциклопедист, признавался много лет спустя после завершения впечатляющей серии «Народы мира», что она время от времени снится ему «с рогами и хвостом».

Понятно, что по части накопления информации в более выигрышном положении оказывается специалист, имеющий доступ к изучаемому народу и ко всему тому, что о нем написано. В годы, когда Н. Н. Садомская работала в Институте, «зарубежники» в этом смысле, конечно, уступали сотрудникам «советских» секторов (даже с учетом запрещенных тем и «объектов», достаточно многочисленных), а исследователи этнографии народов социалистических стран в целом имели больше возможностей, чем их коллеги, «ведавшие» обитателями Запада и Третьего мира. Но и в этой группе «епархия» Н. Н. Садомской была одной из наиболее труднодоступных. О командировках в государство, во главе которого стоял генералиссимус Франко и с которым у СССР не было дипломатических отношений, не приходилось и мечтать; нормальный книгообмен отсутствовал; испанская периодическая печать, за малым исключением, оставалась недоступной; в отечественных библиотеках можно было отыскать очень немного испанских книг на этнографические сюжеты — к тому же изданных по преимуществу до гражданской войны, а если позже, то вне Испании. И в таких условиях Н. Н. Садомская умудрялась добывать необходимый ей материал и использовать его таким образом, что написанные ею работы ничуть не уступали трудам коллег по другим, более доступным регионам. Что же касается темы галисийской этнографии, то она в исследованиях Н. Н. Садомской отчетливо определилась как доминирующая; именно по ней, кстати, она защитила в 1967 г. кандидатскую диссертацию, которая и стала основой для подготовленной несколько лет спустя к изданию книги. Можно не сомневаться, что в нее вошло все, что только могло быть добыто заинтересованным и деятельным советским исследователем в то время.

И вот этот скрупулезно, по крупницам собранный и тщательно обработанный единственным в стране профессиональным этнографом-испанцем материал не был допущен в научный оборот. В противном случае 1973 год стал бы годом выхода первой в отечественной этнографии книги, целиком посвященной Испании, — как раз накануне событий, ставших кульминацией «испанской перестройки»

второй половины 1970-х годов, в ходе которой авторитарный режим был демонтирован, и Испания вошла в сообщество демократических стран Европы. Весьма заметной составной частью этого процесса оказалось мощное этнорегиональное возрождение, привлечение внимания журналистов, ученых и политиков всего мира и завершившееся преобразованием унитарной, жестко централизованной державы в полуфедеративное «государство семнадцати автономий», — одной из которых стала Галисия. Надо полагать, книга П. Н. Садомской, будь она издана, очень облегчила бы соотечественникам и ориентацию в происходящем за Пиренеями, и его анализ.

Не так быстро, как хотелось бы, но неуклонно и последовательно восстанавливались, укреплялись и расширялись связи обновлявшейся Испании с нашей страной, надолго прерванные падением Второй республики в 1939 году. Все больше книг по истории, социологии, этнографии, изданных на полуострове, поступало в наши библиотеки, все новые названия испанских периодических изданий пополняли каталоги отечественных спецхранов и, в довершение всего, стало возможным совсем уже невероятное: увидеть своими глазами изучаемую страну на дальнем западе Европы, вступить в непосредственный контакт с испанскими коллегами. А в конце 1980-х годов перемены, начавшиеся теперь уже в нашей стране, дошли и до общественных наук, в которых ослабление тяготевшего над ними политико-идеологического пресса стимулировало пересмотр прежних теоретических установок, снятие запретных тем, споры вокруг положений, считавшихся неизбылемыми. Все это вкуче привело к формированию в «зарубежной» этнографии, равно как и в отечественной испанистике, ситуации, качественно отличной от той, что существовала два десятилетия назад. Совершенно очевидно, что сейчас книга на ту же тему была бы написана П. Н. Садомской совсем иначе, — по не вопреки, а в развитие и продолжение того, что должно было увидеть свет в 1973 году.

Я позволю себе еще раз вернуться к сравнению с запрещенными когда-то фильмами, встреча которых со зрителем состоялась много лет спустя после их создания. Подобно им, неизданная монография П. Н. Садомской во всех своих аспектах тесно привязана к тому времени, когда она была подготовлена — и ясно, что она была нужна этому времени. А нам нужно знать, что такая книга была написана и что она, слава Богу, существует — пусть даже в одном экземпляре.

А. И. Кожановский

© 1992 г., ЭО, № 5

Фольклорные традиции современного села (по материалам фольклорных экспедиций МГУ 1981—1987 гг. в русские села Татарской АССР). М., 1990. 173 с.

Очередной сборник «Фольклорные традиции современного села» вышел в свет в 1990 г. и опять порадовал своим появлением. В него вошли статьи преподавателей и студентов кафедры русского устного народного творчества филологического факультета Московского государственного университета, основанные на материалах научных студенческих экспедиций 1981—1987 гг. в русские села Татарстана, а также работа двух известных этнографов из Казани Е. П. Бусыгина и Н. В. Зорина.

Статьи сборника сгруппированы в четыре раздела, каждый из которых охватывает «наиболее значительный и характерный для обследованной территории круг явлений современного фольклора, комплексы бытующих жанров и сюжетов» (с. 6). Первый раздел посвящен семейно-обрядовой поэзии, не утратившей своего значения и в наши дни, — свадебным приговорам, величаниям, лирическим свадебным песням, похоронным причитаниям, которые рассматриваются в контексте свадебных и похоронных обрядов. Второй раздел посвящен традиционным протяжным песням и песням литературного происхождения, третий — народной прозе, сказкам, преданиям и быличкам, занимающим определенное место в сельской духовной культуре и поэзии. В последний раздел вошли статьи о детских играх и народной драме.

Небольшой объем сборника (всего 11 п. л.) не позволил охватить все фольклорные жанры. В сборник не вошли статьи о частушках и других малых жанрах, хотя они, по свидетельству Н. И. Савушкиной, под чьим руководством совместно с А. А. Ивановой ежегодно в течение семи лет (с 1981 по 1987 г.) проводились экспедиции, составляют пусть и небольшую, но важную часть активного репертуара. Отсутствие статей о календарной поэзии объясняется исчезновением этого жанра из обихода, а отдельные образцы «записаны исключительно по воспоминаниям людей пожилого и преклонного возраста» (с. 7).

Кроме названных четырех разделов сборник включает «Введение», написанное ответственным редактором П. И. Савушкиной, и две статьи общего характера: В. П. Аникнина о соотношении общего и локального в фольклоре, Е. П. Бусыгина и П. Н. Зорина об истории заселения русскими территории Татарии. Авторы, как пишет во «Введении» Н. И. Савушкина, стремились «дать достоверную картину состояния фольклорной традиции обследованной местности, выявить связь произведений, их исполнителей и среды бытования, разграничить так называемый активный и пассивный ресурсы, по возможности определить условия, способствующие сохранению или, напротив, исчезновению из обихода тех или иных сюжетов, тематических групп, жанров фольклора» (с. 8). Почти все эти задачи были успешно осуществлены.